

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ДЖ. М. КЕЙНСА

В. Л. Барнетт

КЕЙНС И РОССИЯ: В ДОЛГОСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ВСЕГДА НАХОДИТСЯ В СОСТОЯНИИ ПЕРЕХОДА*

Денежная теория, когда все сказано и сделано, является лишь ненамного большим, чем развернутым уточнением той истины, что «все образуется»¹.

Дж. М. Кейнс

На первый взгляд, экономическая теория Кейнса мало что может предложить посткоммунистической России. В сущности, она представляет собой относящуюся к краткосрочному периоду теорию выпуска и занятости, принимающую индустриальную структуру как данность².

Роберт Скидельски

Джон Мейнард Кейнс, несомненно, является наиболее известным и влиятельным экономистом середины XX столетия. На его работу «Общая теория занятости, процента и денег» (1936) часто ссылаются как на единственную в высшей степени революционную книгу по экономической теории, опубликованную за последние сто лет. Модель IS–LM, являющаяся господствующей интерпретацией теории Кейнса, стала основным содержанием учебников по макроэкономике на много лет вперед. Предложения Кейнса по поли-

* Научный редактор перевода — Л. Д. Широкопад.

Доктор Винсент БАРНЕТТ (*Vincent Barnett*) — научный сотрудник Центра российских и восточноевропейских исследований Бирмингемского университета (Великобритания). Докторскую диссертацию (Ph. D. Thesis) защитил в Университете Глазго в 1993 г. Автор многих книг и статей по экономической истории России и по истории русской экономической мысли, в частности монографий «Kondratiev and the Dynamics of Economic Development» (Macmillan, 1998), «The Revolutionary Russian Economy, 1890–1940» (Routledge, 2004), «A History of Russian Economic Thought» (Routledge, 2005) (vlbarnett@postmaster.co.uk).

© В. Л. Барнетт, 2007

© И. А. Каменецкий, перевод, 2007

тике, содействующей преодолению наихудших последствий промышленного спада посредством управления спросом, использовались на протяжении десятилетий после Второй мировой войны, а его политические рекомендации по финансированию как Первой, так и Второй мировых войн сыграли исключительно важную роль в обеспечении победы союзников в обоих случаях. Взгляды Кейнса оказали существенное влияние и на формирование новой системы мировых финансов после Первой и Второй мировых войн, хотя для периода после Второй мировой войны это влияние было значительно более весомым. Кейнс был также страстным коллекционером антикварных книг, пожертвовавшим Кембриджскому университету ценные работы Исаака Ньютона, которые он приобрел на аукционе. Наконец, его афоризм «В долгосрочном периоде все мы умрем» стал легендарным. По всем этим и многим другим основаниям наследие Кейнса было очень значительным и уже многие десятилетия оказывает мощное воздействие на развитие экономической теории.

Вместе с тем он был одним из последних представителей того типа людей, к которому принадлежал сам. Привилегированное образование в Итоне и затем в Кембридже обеспечило ему легкий доступ в элиту английского общества, представленную философами, политиками и экономистами, а также деятелями государственного и правительственного контроля. Его отцом был известный экономист Джон Невилл Кейнс, автор книги «Предмет и метод политической экономии» (1891). Первый опыт участия Кейнса в правительственной деятельности был связан с рекомендациями по финансовым вопросам в Индии, в частности по функционированию золотовалютного стандарта. У Кейнса вообще не было специальных знаний об Индии как о стране, он никогда в жизни не бывал там, однако рекомендации именно этого экономиста были востребованы. Во время Первой мировой войны Кейнс постоянно давал детальные рекомендации по вопросам финансовой политики союзников, уделяя при этом значительное внимание оценке масштабов и способов участия России в финансировании войны³. И вновь, как и в те довоенные годы, когда он занимался разработкой рекомендаций по вопросам финансовой политики Великобритании в Индии, он не обладал специальными знаниями о России как стране с особой культурой и уникальной историей. Кроме того, он никогда не был в России до 1914 г. Конечно, Кейнс был очень умным человеком, способным к быстрому усвоению новых идей и тем, однако его рекомендации по финансированию Первой мировой войны давались не в атмосфере неторопливого академического исследования, а под давлением постоянных военных действий и сопутствующей им необходимости каждодневного принятия решений, которые были востребованы этими действиями.

В юности Кейнс был одним из основных участников Блумсбергского кружка художников и писателей наряду с Дунканом Грантом, Вирджинией Вульф и Литтоном Стрэчи. Некоторое время Кейнс был в близких отношениях с Дунканом Грантом. Несмотря на это, позднее (в 1925 г.) он женился на русской балерине Лидии Лопуховой, при этом его обращение в гетеросексуализм вызвало некоторые трения в Блумсбергском кружке, который так никогда и не признал русскую жену Кейнса своей. В действительности можно показать, что Кейнс в самом деле любил впечатляющие превращения. Одним из наиболее известных в области теории является его переход от ортодоксальной *laissez faire* кембриджской версии количественной теории денег к зрелому Кейнсу в «Общей теории...» и прямому государственному вмешательству в экономику, для обоснования необходимости которого часто ссылались на эту книгу. Одной из причин этого превращения были разительно изменившаяся экономическая обстановка, в частности Великая депрессия 1930-х годов, и настоятельная потребность изменить ортодоксальную экономическую

теорию, для того чтобы объяснить глубину, интернациональный размах и продолжительность кризиса, который казался в то время беспрецедентным.

При обсуждении работ Кейнса недостаточное внимание обращалось на то, что экономический хаос в Великобритании и США в 1930-е годы происходил параллельно (и в контрасте) с очевидными успехами советской экономики и централизованного планирования в тот же самый период. Темпы роста в СССР существенно увеличились после 1929 г. Это означало, что в будущем СССР мог сделать вызов экономическому превосходству Европы и США, а значит, и капитализму в целом. Советская экономика в 1930-е годы испытывала структурные трансформации значительных масштабов, в то время как британская и американская экономики находились в структурном параличе. Конечно, Кейнс был озабочен этим разительным контрастом и возможным будущим конфликтом, и в определенном смысле «Общая теория...» явилась побочным результатом этой новой геополитической реальности. Кейнс, конечно, хотел не заменить капитализм полноценной централизованно планируемой экономикой, а лишь модифицировать его для того, чтобы преодолеть наиболее негативные стороны. Таким образом, Кейнс надеялся обеспечить продолжительное существование капитализма как экономической системы и предотвратить любые попытки массового перехода к социализму, которые могли бы потенциально возникнуть в других странах в будущем. Если учесть, что в начале XXI в. большинство великих социалистических экспериментов XX столетия представляют лишь исторический интерес, то Кейнсу необходимо воздать должное за этот чрезвычайно важный поворот в политических судьбах мира.

Первая мировая война и ее последствия

Первая мировая война была определяющим политическим событием начального этапа деятельности Кейнса, эта же война предопределила успех большевиков в России. Раздражительные политики Европы породили военную трагедию монументального масштаба, экономистам же вроде Кейнса оставалось только «убирать» финансовый беспорядок, который был одним из последствий этой войны. Хорошо известно, что сразу после войны Кейнс выступил против условий Версальского договора, в частности размера репараций, которые вынуждена была пообещать выплатить Германия. Кейнс предостерегал, что слишком высокий уровень задолженности может вызвать раздражение и чувство обиды среди немецкого населения и негативно воздействовать на немецкую экономику, затрудняя усилия по ее восстановлению. Отчасти поэтому в 1919 г. Кейнс выдвинул идею создания Союза свободной торговли, для того чтобы помочь нейтрализовать недостаточную организацию и эффективность, которые мог породить распад национальных государств после войны. Он писал:

«Экономические границы были приемлемы до тех пор, пока огромные территории входили в состав нескольких великих империй; однако с ними нельзя будет мириться, когда Германская, Австро-Венгерская, Российская и Турецкая империи будут разделены между двумя десятками независимых государств»⁴.

Союз национальных государств с целью обеспечения свободы торговли, согласно Кейнсу, сделал бы для мира и процветания столько же, сколько сделала в это время сама Лига наций. Очевидно, Кейнс очень беспокоился о том, что распад крупных, занимавших обширные территории империй мог вызвать политический и экономический коллапс во всей Европе. При этом он имел в виду не только Германию, но также и Россию и даже (без явного признания) саму Британскую империю. Предложенный Союз свободной торгов-

ли очень похож на экономическую составляющую Европейского Союза, который мы видим сегодня.

В связи с указанной критикой Версальского договора Кейнс охарактеризовал Парижскую конференцию как незначительное событие, над которым витало ощущение надвигающейся катастрофы. Он написал следующее об отношениях между многими национальными государствами Европы в это время:

«Англия все еще остается вне Европы. Глухие толчки в Европе не достигают ее. Европа существует отдельно, и Англия не является частью ее организма. Но Европа представляет собой цельное образование. Франция, Германия, Италия, Австрия и Голландия, Россия, Румыния и Польша пульсируют вместе, а их устройство и цивилизация в сущности едины»⁵.

Таков был взгляд представителя английского высшего класса на то, чем является Европа. Кажется маловероятным, чтобы в то время многие жители Франции или Италии рассматривали Россию как, в сущности, нечто единое с их собственными странами. Точно так же вряд ли многие жители России считали, что после Первой мировой войны заняли такое же место в Европе, как жители главных европейских стран, по причине ли существующего наследия царизма, либо – *a fortiori* – в связи с намечающимся коммунистическим будущим. Кейнс, несомненно, был очень эрудированным экономистом, однако его понимание своеобразия различных культур было менее основательным, чем знание экономической теории. Он вспоминал в 1931 г. одного официального представителя, с которым вел переговоры о блокаде Германии после Первой мировой войны:

«Мельхиор переживал за Германию и за то, что ложь и унижение его собственный народ принес сам себе... Война для него была войной против России; и именно размышление о темных силах, исходящих с Востока, более всего занимало его»⁶.

Кейнс признался, что он осознал этот главный факт только некоторое время спустя после того, как Мельхиор ушел в отставку с переговоров по заключению мирного договора, когда он вспоминал с ним в Амстердаме прошедшие события.

Как отмечалось ранее, Кейнс был очень значимым политическим советником по финансовым вопросам Правительства Великобритании во время Первой мировой войны. После того как мировая война закончилась, но пока еще была в разгаре Гражданская война в России, Кейнс продолжал заниматься российскими экономическими делами, прилагая усилия по оказанию помощи в устройстве по введению новой валюты для Севера России, который еще оставался под контролем антибольшевистских сил. В меморандуме Российской политической конференции в Париже были выдвинуты следующие политические цели союзников:

«Ради восстановления России должно быть ускорено предоставление иностранных кредитов для того, чтобы обеспечивать жизненно важные нужды России до тех пор, пока ее производство не вернется к нормальному уровню. Это приведет к усилению противодействия большевизму и укреплению будущих торговых отношений»⁷.

Более того, предполагалось, что все средства, хранимые в банках, которые принадлежали агентам большевиков, должны быть конфискованы и что союзники должны объединиться с местными правительствами в России для восстановления политического и экономического порядка.

В соответствии с такими общими стратегическими целями Кейнс составил различные варианты «Меморандума о финансовом соглашении с Севером России» в августе 1918 г., в котором он писал:

«Я не считаю, что было бы чрезмерно амбициозно стремиться ввести стабильную валюту, которая может перерасти в постоянную валюту Севера России. Существующие выпуски рублей не имеют внутренней ценности и должны совершенно обесцениться, как только с Россией восстановятся нормальные торговые отношения, если не ранее. В настоящее время они сохраняются в обращении просто по привязанности и привычке»⁸.

Кейнс продолжал считать, что на Севере России существовали необходимые условия для рекомендованного им валютного эксперимента, который он характеризовал как стерлинговый валютный стандарт, регулируемый управлением по конвертации. Это управление должно было быть по сути своей российским, учреждаться в качестве органа местного правительства, и оно выпускало бы новые рублевые банкноты в обмен на фунты стерлингов (или, возможно, на золото) по фиксированному валютному курсу 40 руб. за фунт стерлингов. Старые рубли также обменивались бы по курсу, периодически устанавливаемому управлением по конвертации, а импортное продовольствие продавалось бы только при оплате его новой валютой. Обменные операции с фунтами стерлингов были бы разрешены только в управлении по конвертации, и это было бы основным источником запаса фунтов стерлингов⁹.

Кейнс следующим образом описал многообразные потенциальные трудности, связанные с данным устройством. Новая валюта может оказаться непопулярной, по крайней мере поначалу, и (или) может уйти из обращения в сокровища. Более того, премия, с которой новый рубль обменивался бы на старый, могла привести к трудностям в установлении заработной платы. Кейнс подчеркивал, что критически важным было бы строгое соблюдение правил выпуска для того, чтобы гарантировать стабильность валюты. В конечном итоге антибольшевистские силы потерпели военное поражение в Гражданской войне в России, и валютный план Кейнса провалился вместе с ними, но поддержка его предложений по введению валюты свидетельствовала о его влиянии в политических кругах.

Подобные планы по введению денежной единицы предлагались Кейнсом на фоне недостаточного понимания им действительных сил, которые породили большевистскую революцию, что очевидно следует из следующего отрывка из его книги 1919 г. «Экономические последствия мира». Кейнс писал:

«Экстраординарные события последних двух лет в России, тот огромный сдвиг в обществе, который перевернул все, что казалось наиболее стабильным... возможно, в большей степени обязаны возрастающей численности населения, чем Ленину и Николаю...»¹⁰

Население России действительно быстро увеличивалось до 1917 г., – Кейнс сам отмечал увеличение темпов роста после 1890 г., – но, принимая во внимание огромные размеры самой территории России (которые легче могли сочетаться с быстрым ростом населения, чем у меньшей по размерам страны), скорее всего, не рост плодovitости, а другие факторы обусловили успех большевиков. Фактически ближе к концу книги Кейнс сделал довольно странное признание – он утверждал, что о деталях положения в России «мы не знаем абсолютно ничего достоверного»¹¹. Он или поскупился на истину в этом утверждении, или же допускал, что его собственные политические рекомендации по российским вопросам в это время опирались на слабую информационную базу.

Кейнс о большевистском эксперименте

Работа Кейнса, наиболее явно затрагивающая СССР, – «Беглый взгляд на Россию», – была издана в виде брошюры в 1925 г. В ней Кейнс проницательно анализировал ленинизм как сочетание прагматизма и религиозности, при подчинении первого второму.

Ленинизм был религиозным в смысле неразборчивого в средствах и фанатичного усердия его последователей и в то же время прагматичным в своих претензиях создать совершенный технический инструмент (хозяйственное планирование) для того, чтобы обеспечить улучшение материального благосостояния. Кейнс определенно проявлял скептицизм по поводу практической стороны большевизма, характеризуя «Капитал» Маркса как «устаревший учебник по экономике, который я считаю не только ошибочным с научной точки зрения, но и не представляющим интереса и неприменимым к современному миру»¹². Кейнс таким образом предсказывал, что если коммунизм действительно добьется каких-либо успехов, то благодаря религиозной, а не практической стороне большевизма. Эта рассмотренная Кейнсом религиозная сторона включала в себя возвеличение простого человека и попытку преодолеть корыстные мотивы человеческого поведения; если бы указанные тенденции были успешно реализованы, это породило бы мощную мотивацию для действий сторонников коммунизма.

Кейнс с готовностью соглашался, что избыточная тяга к деньгам в то время была вполне реальной моральной проблемой на Западе, и он допускал, что религиозная составляющая большевизма действительно могла способствовать решению этой проблемы. Интерес Кейнса к моральной философии проявился довольно рано, когда он, будучи еще студентом Кембриджа, стал открытым последователем «Принципов этики» Дж. Мура (1903). Проблема оптимального соединения морали и экономики, таким образом, волновала его еще с юных лет. Тем не менее Кейнс писал о распространении чувства подавленности, охватывавшего людей, посетивших коммунистическую Россию, для которых было очевидным существование в стране очень напряженной обстановки. Он заключил «Беглый взгляд на Россию» утверждением, что скорее поработал бы на Советскую, а не на царскую Россию, но что он преисполнен не меньшим отвращением к действиям новых тиранов, чем к действиям тиранов старых.

Кейнс посетил Советскую Россию в 1925 г. и представил доклад под названием «Экономические преобразования в Англии» на встрече в Москве 15 сентября. Используя концепцию Дж. Коммонса о трех типах экономического строя, через которые прошел весь мир, — эпохи, характеризующиеся редкостью, изобилием и стабилизацией, Кейнс объяснял:

«Некоторые из вас в России не согласятся со мной в том, что опору в этих вопросах следует искать в преобразованном и реконструированном либерализме, который, помимо всего прочего, не станет, если моя идея будет реализована, классово-партийной. Ленинизм, — как мне кажется, — является в одно и то же время религией, преследующей инакомыслящих, и экспериментальным методом. Капитализм также является религией, которая, тем не менее, отличается гораздо большей терпимостью, чем ленинизм»¹³.

Некоторое время спустя, в декабре 1931 г., Кейнс опубликовал статью под названием «Обзор нынешнего состояния социализма». В ней он анализирует социализм как нечто по существу шизофреническое, имеющее две головы и два сердца, которые всегда находятся в конфликте друг с другом. Одна голова и сердце стремятся действовать «экономически разумно», другая — «экономически неразумно»¹⁴. Сам Кейнс определял социалистический проект следующим образом: захватить власть с целью сделать то, что было экономически целесообразным, для того, чтобы общество стало достаточно богатым, чтобы иметь возможность делать то, что экономически нецелесообразно¹⁵. Ставя вопрос таким образом, Кейнс полагал, что нет уверенности в том, что социалистический эксперимент будет успешным. При более глубокой постановке вопроса можно предположить, что Кейнс рассматривал (по крайней мере, первоначально) распространение социализма как способ улучшения состояния существующей экономики, а не трансформации ее струк-

туры и механизмов для ее приспособления к новому пониманию того, какой должна быть экономика. Кейнс признавал, что до конца не понимал Марксово утопическое видение, и в этом признании он был, возможно отчасти, прав.

Интерес Кейнса к СССР нарастал в ходе 1930-х годов, и по мере того, как наихудшие последствия большевистского безумия начали проявляться в политической сфере. В статье, опубликованной в 1933 г., Кейнс писал:

«Сегодняшняя Россия показывает ужасный пример двух зол – безрассудства и ненужной торопливости. Жертвы и потери перехода будут значительно больше, если темпы ускорятся. Это прежде всего переход к большей национальной самодостаточности и плановой внутренней экономике. Характер процессов в сфере экономики таков, что они укоренены во времени. Быстрый переход вызовет столь значительное разрушение благосостояния, что новое состояние будет поначалу значительно хуже прежнего, а великий эксперимент будет дискредитирован»¹⁶.

Здесь Кейнс проявил четкое понимание того, что крупномасштабные трансформации экономики первоначально зачастую причиняют немалый ущерб, так как экономический рост в эти периоды становится отрицательным. Эту позицию можно было бы трактовать как предостережение сторонникам применения «шоковой терапии» в осуществлении фундаментальных структурных преобразований в экономике постсоветской России. Кейнс также был обеспокоен последствиями подавления критики, столь характерного для деятельности всех революционных правительств. Он писал:

«Россия вновь демонстрирует нам пример грубого просчета, который допускается режимом, когда он избавляет себя от критики... Мы нуждаемся в объединении всех светлых голов эпохи. Сталин уничтожает любой независимый и критически мыслящий ум, даже в том случае, если он в целом разделяет общепринятые взгляды. Он создал среду, в которой мыслительные процессы атрофируются... Пусть Сталин будет ужасающим примером для всех, кто стремится экспериментировать»¹⁷.

Конфликт между необходимостью существования ясных и единодушно принимаемых политических целей и потребностью в их продолжительном обсуждении и критическом осмыслении создает напряжение при всех типах правления, но особенно острые формы он принимает при тоталитарных системах контроля. К концу 1930-х годов Сталин прекратил любые политические дискуссии, и тем самым на определенное время, несомненно, облегчил процесс выработки основных целей советской экономической политики, долгосрочные же последствия подавления критики стали очевидны после смерти Сталина.

«Трактат о деньгах» и «Общая теория...»

Немногие исследователи связывали работы Кейнса, явно сфокусированные на СССР, с кейнсианской революцией в экономической теории. Кроме того, в академической литературе нечасто обсуждается то обстоятельство, что (как было замечено ранее) одна из главных политических целей наиболее известной книги Кейнса «Общая теории занятости, процента и денег» состояла в том, чтобы воспрепятствовать успешному завершению перехода от капитализма к социализму, понимая под последним централизованно планируемую экономику советского типа с полностью национализированной контролируемой государством собственностью. Обстановка в Великобритании в 1930-е годы была такова, что переход к такой разновидности социализма не был полностью исключен, принимая во внимание события того времени, такие как всеобщая забастовка 1926 г. Кейнс с помощью своей «Общей теории...» пытался заложить основы для среднего пути между, с од-

ной стороны, капитализмом, регулируемым свободным рынком и принципом *laissez faire*, который, как он с готовностью признавал, продемонстрировал несостоятельность, порождая высокий уровень вынужденной безработицы, и, с другой стороны, еще одной крайностью — государственным социализмом в чистом виде, контролируемым Коммунистической партией. Кейнс писал:

«...ни одного убедительного довода не привести в пользу системы государственного социализма, которая охватывала бы большую часть экономической жизни общества. Государству необходимо признать, что для него важна не собственность на средства производства. Если государство способно определять совокупный объем ресурсов, необходимых для увеличения средств производства, и базовый уровень вознаграждения для тех, кто владеет ими, этим будет достигнуто все, что необходимо»¹⁸.

Кейнс подчеркивал, что традиционные преимущества индивидуализма, такие как эффективность, индивидуальная ответственность и личная свобода, по-прежнему имеют значение и что ликвидация личного выбора была величайшей из потерь, прослеживавшейся в тоталитарных государствах.

Кейнс признавал, что, на первый взгляд, централизованные контролируемые государством экономические системы, казалось, действительно решали проблему безработицы, но он доказывал, что они достигали этого только за счет потери как эффективности, так и свободы. Таким образом, одной из основополагающих целей «Общей теории...» было решение проблемы безработицы, но без чрезмерного ограничения эффективности и индивидуальной свободы, т. е. в рамках существующих капиталистических финансовых институтов.

Общее теоретическое обоснование того, что *laissez faire* капитализм и его противоположность — контролируемый государством социализм — являются двумя крайностями, намечено Кейнсом в предисловии к немецкому изданию «Общей теории...». Кейнс писал, что «манчестерская школа и марксизм — оба полностью происходят от Рикардо — только при поверхностном рассмотрении данное заключение может показаться неожиданным»¹⁹. Именно абстрактный аналитический подход Рикардо привел к безусловной поддержке свободы торговли в чистом виде, с одной стороны, и к варианту трудовой теории стоимости, признававшему эксплуатацию, с другой стороны. Согласно Кейнсу, Рикардо покорила Англию в такой же степени, в какой Святая инквизиция — Испанию. Эта метафора демонстрирует неудовлетворенность Кейнса победой Рикардо²⁰. В противоположность прекрасным, но неясным абстракциям Рикардо, Кейнс в «Общей теории...» попытался использовать аналитический подход, уделяя гораздо больше внимания объяснению действительных исторических условий, а не просто игнорируя их, когда они противоречили существующим постулатам классической экономической теории. Следовательно, «Общая теория...» была задумана для того, чтобы восстановить соответствие экономической теории историческим событиям реального мира, таким как Великая депрессия и успех большевиков в России.

Однако в действительности Кейнс начал этот обусловленный политическими соображениями проект за некоторое время до публикации «Общей теории...». В «Трактате о деньгах» (1930) Кейнс рассчитывал найти метод, который можно было бы использовать для описания законов динамики, управляющих переходом денежной системы из одного состояния равновесия в другое, что, очевидно, имело большое значение для понимания того, как можно предотвратить новое появление неравновесного состояния Великой депрессии. Кейнс посвятил целую главу «Трактата о деньгах» (гл. 37) обсуждению контроля за уровнем инвестиций, что он обозначил как «суть всего дела». Он писал:

«Мы стоим перед лицом риска, связанного с тем, что... рыночная норма процента хотя и падает, но никогда не столь быстро, чтобы сравняться с естественной нормой процента, так что будет иметь место периодическое сокращение прибыли, приводящее к периодическому уменьшению дохода и падению уровня цен. Если это произойдет, нашему нынешнему режиму капиталистического индивидуализма несомненно придет на смену имеющий большие перспективы социализм»²¹.

Подразумевалось, что такая возможность должна быть предотвращена, и выход состоял в том, чтобы использовать банковскую систему для обеспечения необходимой корректировки рыночной нормы процента. Кейнс полагал, что могло оказаться достаточным сформировать убеждение в том, что будет преобладать очень низкая краткосрочная норма процента. Банк Англии мог бы добиться этого, оказав давление на коммерческие банки для сокращения процентных ставок по депозитам до 0,5% и одновременно для покупки долгосрочных ценных бумаг. Проблема возникает в первую очередь в связи с тем, что (согласно Кейнсу) рыночная процентная ставка изменялась с большим трудом, и, следовательно, такие изменения запаздывали по отношению к изменениям требуемой естественной ставки процента. Установление Кейнсом прямой взаимосвязи между возможными недостатками банковской системы и потенциальным переходом к социализму обнаружило скрытый контекст его революционного прорыва в экономической теории.

Заклочение

Кейнсианская система экономического контроля многие годы после Второй мировой войны провозглашалась левыми на Западе как свидетельство несостоятельности капитализма и необходимости расширения контроля государства над командными высотами экономики. В действительности же сам Кейнс стремился лишь к улучшению внутреннего механизма системы свободного рынка и критиковал государственный социализм как неэффективный и чрезмерно ограничивающий личные свободы. Кейнс был в СССР несколько раз и посчитал необъяснимой фанатичную приверженность большевиков «Капиталу» Маркса. В «Общей теории...» он высказался в пользу значительного неравенства в богатстве и доходах, но не в такой степени, которая препятствовала бы осуществлению предпринимательской функции. Тем не менее он сомневался в том, что просвещенный личный интерес всегда действует в интересах общества, и придавал важное значение тому, чтобы направляющий коллективный разум получил определенный контроль над частным бизнесом.

Что же осталось на сегодняшний день от избранного Кейнсом среднего пути между государственным социализмом и *laissez faire* капитализмом? С начала 1980-х годов «про-рыночная» экономическая теория и крайний вариант идеологии «жадность есть благо» доминируют на Западе, а также и в самой России. Однако переход к рынку в постсоветских государствах создал не так уж много экономик, похожих на развитые социальные рыночные экономики Западной Европы, которые можно было бы обоснованно считать примерами среднего пути Кейнса. Вместо этого во многих бывших коммунистических странах господствует то, что описывается как мафиозный капитализм, хотя это, конечно, является упрощением действительного положения, существующего во многих из этих стран. Типичная постсоветская экономика в действительности была сконструирована путем наложения западного понимания рыночных процессов и импортированных технологий на существующие бюрократические порядки и остатки разрушающихся институтов плановой экономики. О таком глубинном поведенческом конфликте Кейнс мало что мог сказать в своих экономических работах. Кейнс, несомненно, был наиболее значитель-

ным экономистом середины XX столетия. Однако в начале XXI в., когда требуется понимание того, что происходит в периоды глубинных структурных трансформаций, внимание должно быть обращено именно на экономистов американской институциональной школы, таких как Торстейн Веблен, Джон Коммонс и Кларенс Айрес. В долгосрочной перспективе экономическая теория всегда находится в состоянии перехода.

¹ *Keynes J. M.* A Treatise on Money. London, 1930. Vol. 2. P. 408.

² *Skidelsky R.* Relevant Keynes (<http://skidelsky.com/index.php?id=2,53,0,0,1,0>).

³ *Barnett V.* Calling up the Reserves: Keynes, Tugan-Baranovsky and Russian War Finance // *Europe-Asia Studies*. 2001. January. P.151–169.

⁴ *Keynes J. M.* Proposals for the Reconstruction of Europe // *Essays in Persuasion*. London, 1951. P. 27.

⁵ *Keynes J. M.* The Treaty of Peace // *Essays in Persuasion*. P. 5.

⁶ *Keynes J. M.* Two Memoirs. London, 1949. P. 70.

⁷ Public Records Office (PRO). London, T.1/12303/13588. P. 2.

⁸ PRO. T1/12261/35246. P. 3.

⁹ *Ibid.* P.4–5.

¹⁰ *Keynes J. M.* The Economic Consequences of the Peace. London, 1971. P. 9.

¹¹ *Ibid.* P.183.

¹² *Keynes J. M.* A Short View of Russia // *Essays in Persuasion*. P. 300.

¹³ Keynes Papers. King's College. Cambridge. RV/1/38.

¹⁴ *Ibid.* PS/5/109.

¹⁵ *Ibid.* PS/5/112.

¹⁶ *Keynes J. M.* National Self-Sufficiency. P. 8 (www.polarchy.org/enough/anthology/texts/keynes.1933.html).

¹⁷ *Ibid.* P. 9.

¹⁸ *Keynes J. M.* The General Theory of Employment, Interest and Money. London, 1973. P. 378.

¹⁹ *Ibid.* P.XXV.

²⁰ *Ibid.* P. 32.

²¹ *Keynes J. M.* A Treatise on Money. Vol. 2. P. 386.

Статья поступила в редакцию 2 ноября 2006 г.